

**ИЛЛЯ
КОЛТУН**
фотографии

чёрно-белое пространство прошедшего времени

текст

**ЛЕОНИД
ПЕСОК**

Фотографии
Илья Колтун

Текст
Леонид Песок

Автор-составитель
и куратор проекта
Борис Петрушанский

Дизайн альбома
Борис Петрушанский
Олеса Кукулина

Редактор текста
Юлия Шестакова

Издание
"Академия Дураков"

Леонид Песок об Илье Колтуне

Фотографии Колтуна — это не "остановись мгновение". Илья, как Бог, мгновению придает размерность вечности. Пока существует искусство, эти моменты жизни будут существовать, как самый важный документ бытия. Фотографии Колтуна удивительно поэтичны — музыкальны и содержательны. Если только двумя словами выразить то, что запечатлел Илья Колтун, то это — ТРЕПЕТ ЖИЗНИ. Люди различают 10 миллионов оттенков цветов, а воробей — 100 миллионов. А почему так потрясающе раскрашены бабочки, да потому, что они распознают 10 миллиардов оттенков. В тысячу раз больше, чем люди. Хочется научиться смотреть на мир глазами бабочки, замечая все оттенки жизни, но можно, оказывается, схватить их все в черно-белом формате. Для этого нужны глаза Колтуна. Фотографии Колтуна — это воспоминания о будущем. Судьба всех персонажей альбома обречена на успех, любовь и феноменальную реализацию таланта и понимания.

Борис Петрушанский об Илье Колтуне

Родился ли он с талантом? Знаю, что отец его был фотограф. Илья жил в царстве фотографии. Волшебный мир детства, луч света, высвечивающий человека. Красный свет мастерской, развешенная пленка, увеличители, проявители и печать. Он колдовал над каждой фотографией, его тонкие руки, как птицы, как руки дирижера, летали в свете фонаря, и фотография была ручной работой и авторской. Его фотографии имеют запах, имеют звук, сколько в них простоты, добра и вкуса. Они не остановленное мгновение, они движение. Мгновенно становились событием. Фотография — это территория его существования, она воспитала его чуткую душу и сердце. Красивый человек красиво снимает. Илья выводит фотографию в ряд поэзии. Творец с особым мышлением. Его мягкость и деликатность выросла в решимость. Илья снимает свой мир, свой балет, свой театр, он уловил выразительность человека, который и есть для него источник света, открывает его душу, через объектив, живет так, как будто на свете нет ничего, кроме фотографии. Он свободен в себе и в жизни. Живи, Великий фотограф, долго. Твои фотографии — Земля, увиденная из Космоса.

Эдуард Кочергин об Илье Колтуне

Здесь будет текст Эдуарда Кочергина об Илье Колтуне

Счастье всегда рядом. Его нужно только назвать. Счастью необходимо имя, чтобы откликнуться.

Этот город — вызов. Если не на дуэль с ним, так к ответу: тебя угораздило здесь жить — покажи документы: стихи, картины, дома, спектакли... Хотя что-то особенное, соизмеримое с Летним садом, Мойкой, мостами белой ночью. Каждый, кто жил в этом городе, стал продолжением его интересов.

Слава Погунин и Ваня Погунин. "Караван Мира". Прага, 1989

Караван, обычно это группа людей, путешествующих вместе с торговыми, паломническими или иными целями и объединяющихся для взаимной помощи и защиты в суровой или опасной местности, а также их вьючных животных: верблюдов, ослов, мулов или лошадей. Этот же Караван был озадачен абсолютно иными целями, и местность не была опасной, а вьючными были артисты. И путь не был Великим шелковым. И везли они не пряности, кожу или нефрит, а везли они "ностальгию по мировой культуре", чтобы разделить свои переживания с Европой, куда веками завозились ткани для театральных занавесов.

Дэвид Килби. "Караван Мира". Ленинград, 1989

Монашенка. Варшава. 1989

Зимний "Летний Сад". Ленинград. 1977

Чтобы не бояться быть смешным, нужна очень серьезная внутренняя сила.

Слава Полушин. Спектакль "Чурдаки". Ленинград. 1981

Слава Полушин. "Караван Мира". Москва. 1989

Принципиальная разница в популярном отношении к цирку — цирк находится внутри него, а не снаружи. Все эти лошади, тигры, трапеции, барабанная дробь, гимнасты или пoney — все они находятся в голове этого клоуна, и он может выпустить их из уха или глаза. Вся арена со зрителями у клоуна в бездонном кармане. Славинной энергией хватает, чтобы превратить цирк не только в театр, но и в аэропорт, стадион, космодром... Во что угодно.

Лицедейская комичность в отличие от клоунады вообще вывернута наизнанку.

Обычная клоунада начинается и заканчивается на выдумках. Зрителю интересно,

и он вознаграждается смехом. Лицедейские выдумки — приманка. Клоунада —

поиск метафоры. Лицедей начинает клоунаду там, где другие заканчивают.

Начинают с верхней ступеньки лестницы, и строит ее дальше,

поднимаясь вместе с ней. Клоун уникальным образом сделан из изменчивых

и приводящих в замешательство особенностей. В лицедейской клоунаде

будущее проникает внутрь действия и кристаллизует его. Лицедей — это

глагол, действие. На самом деле, это клоун провоцирует мир на жизнь.

Стивен Милл. Арт. Вальден, 1998

Берлинская Стена, Германия, 1989

Ленинград. 1983

Ты — прохожий, пройдешь, а он — город, останется. Таких, как ты, у него — тысячи. Город может быть прекрасен, если ты любишь в нем кого-то. Как декорации, город необходим переживанию, как фон, как подтверждение реальности происходящего.

Актриса Ирина Курбакова. 1975

Уличный актор. Берлин-1989

"Получившая". Владимир Зенков. 1974

Леонид Лейкин. "Лицедом". Ленинград, 1985

Леонид Лейкин. "Лицедом". Ленинград, 1985

Леонид Лойкин, Сергей Шахматов. "Лицедер", Ленинград. 1985

Классическое искусство балансирует между "общим и особенным". Тем, что каждый с легкостью может натянуть на себя и тем, к чему себя безуспешно примеряет. Черный юмор — слишком особенный. В нем трудно найти себе место. Смешно или страшно? Только если невероятно, тогда приемлемо. Абсурд раскрывает механизмы реальности, делает ее понятней.

Роберт Горюновский, Леонид Лойкин, Виктор Соловьев. "Лицедер", Ленинград. 1985

Лицедей — они и лунатики, и марсиане, и венерики, и сатурналики. Все космическое у них уже было. Они и на солнце полетели бы все, если бы у всех были шапки и очки. Лицедеям привычно повышать градус зрителей. Шесть миллионов градусов солнца не так уж и много.

Странная мораль: если ты заставил переживать и плакать одного человека — ты, возможно, негодяй. Если ты заставил плакать и переживать тысячу людей — ты, возможно, замечательный артист, художник.

Леонид Лейкин. "Лицедом". Ленинград. 1985

Валерий Капт, Анвар Либабов. "Линдген". 1996

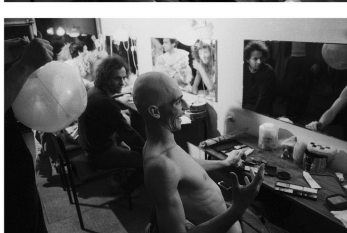
Чтобы эхо возникло и поразило ожиданием ответа — нужен голос, инициация, вопрошание, крик.

Леонид Пейкин. Бельгия. 1996

"Белое". Слава Попунин, Антон Адосинский. Ленинград, 1984

Перед стеклом. "Лица". Ленинград, 1984

Спаса Госпунин. Ленинград. 1985

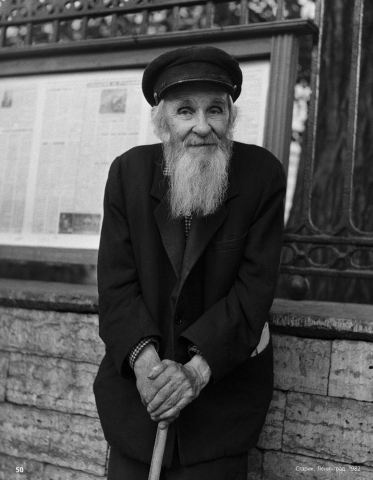
Джонто Эдвардс, Анвар Либабов, Леонид Рейкин. "Караван Мира". Ленинград. 1989

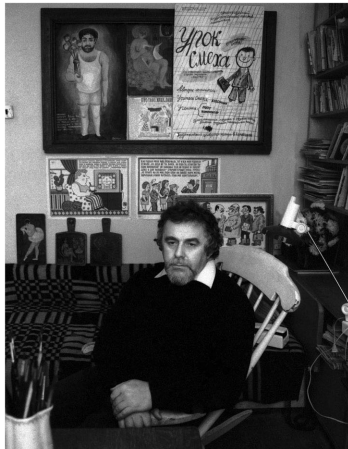
Слово Полунин, Коля Терентьев. Спектакль "Чурдани". Ленинград. 1981

Клоун — чистая человеческая душа. Грим — способ отстранения, отмежевания и освобождения от обыденной формы. В отличие от маски, грим не скрывает индивидуальное, а освобождает клоуна от него. Задача грима — показать общее. Сказать зрителям — я любой из вас. Клоунада — это интеллектуальные каникулы человечества. Клоунада — это упражнение в свободе: дыхание смехом, опустошение тяжелой головы... Нужна большая внутренняя сила, чтобы не бояться быть смешным. Клоун создает условия и ситуацию для того, чтобы зритель уверовал в собственное остроумие. Клоунада — это "трагическая веселость" мудрости. Клоунада — это разновидность публичной исповеди. Попытка выразить тайное, магическое и сокровенное словарем жестов, мимики, пластики и глгов. Клоуны, кстати, никогда не работают. Невозможно работать клоуном. Клоуном можно только быть. Он прилагает невероятные усилия, чтобы привлечь к себе внимание. Он старается быть смешным, интересным, заставляет зрителей смеяться, чтобы не расходились, не оставили опять одного... Клоун — всегда вдруг. Клоуном стать очень просто. Родился — и все, уже клоун. Потом остается только расти, не взрослея. Пульс клоуна и его дыхание могут быть только синхронными со зрительскими ритмами. Клоун изменил отношение людей к жизни. Клоунская реальность настолько настоящая, что даже сны в ней становятся явью.

Старик. Ленинград. 1982

Художник Леонид Каминский. Ленинград. 1978

Женщина вызывает тотальное желание хотеть, жить, думать, работать. Это и есть любовь.

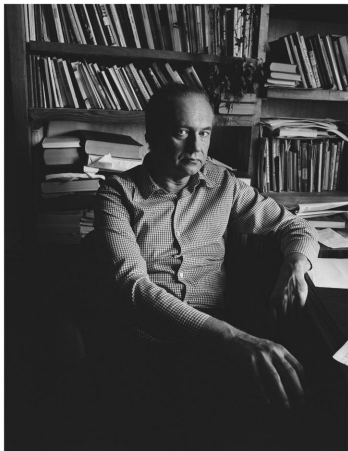

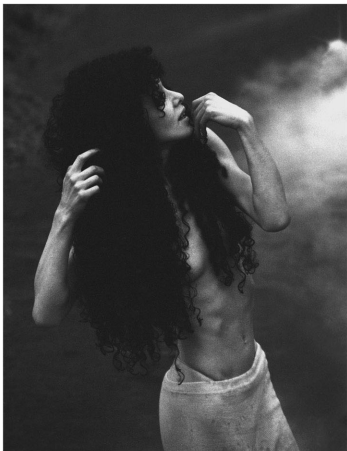
Зимний "Потопный сад", 1977

Анжор Либбев, "Гимназия", Бельгия, 1996

Это настоящее Дерево. Секвойя с тысячей лет жизни и необъятным количеством колец силы и красоты. Эти кольца только чувствуются, ибо Дерево не спилено. Объем выдает. В каждом жесте и движении — полнота жизни: рождение-любовь-смерть. Театр Адасинского соединил не только лицедейское — абсурд и нежность, а невозможное — абсурд и красоту.

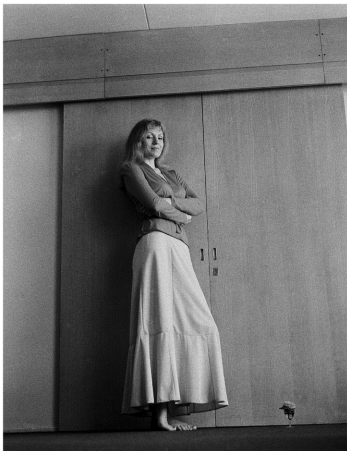

Портрет художника Эдуарда Бухи. Ленинград, 1974

Художник Леонид Каминский и художник Татьяна Ураевская. Ленинград, 1974

Скульптор Гаврил Глизи́н. Ленинград, 1974

Балерина Наталья Мака́рова. Ленинград, 1989

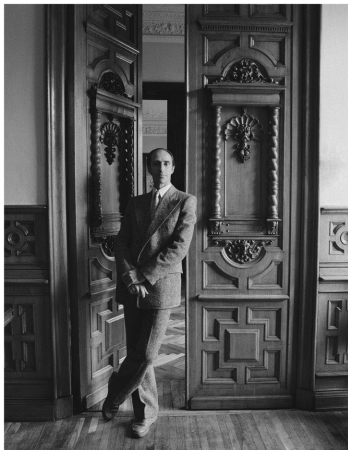
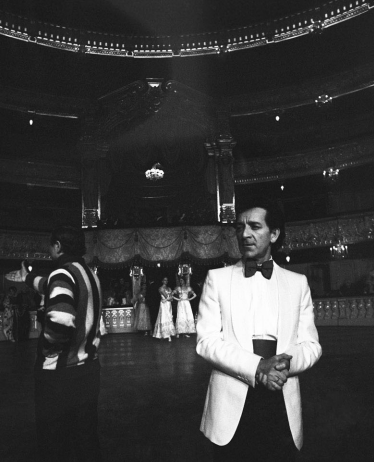

Певца Ольга Вардилова. Ленинград, 1976

Ханка Ибраки. 2000

Вдруг подумал о Питере, как совершенно закономерном месте, где появились Колтун, Полунин, Кочергин. Этот город был вызовом множеству оригинальнейших и талантливейших людей. Невозможно было избежать его влияния даже при наличии минимальных способностей.

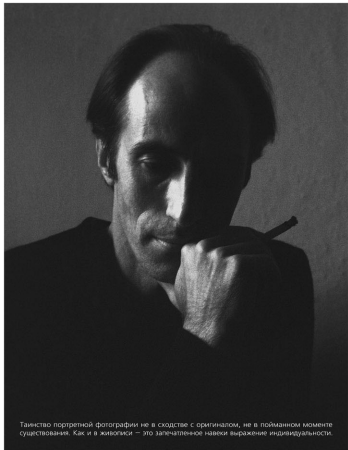
Старик, Псков, 1994

Ленинград, 1983

Анна Герман. Ленинград, 1979

Таинство портретной фотографии не в сходстве с оригиналом, не в пойманном моменте существования. Как и в живописи — это запечатленное навеки выражение индивидуальности.

Балетмейстер и хореограф Никита Долгушин. Ленинград, 1984

Как говорил философ Александр Пятигорский, городов на свете много, но места только два —

Иерусалим и Лондон. Хотя караван и не доковылял до обозначенных мест, оказалось,

что Париж "стоит обедни", а любимые места философа будут покорены чуть позднее.

караван мира. Париж. 1989

Незнакомка. Ленинград. 1984

Как сказал Набоков, многоточие — это слова, уходящие на цыпочках. В балете все слова уже ушли на пуантах, превратившись в дунение, жест, прыжок, позу. Ушедшие из текста слова стали выражать себя физически. Статичный словарь слов, ограниченный десятками тысяч, превратился в бесконечный толковый словарь движений. Каждое многоточие уже обязательно след пуантов. Язык балета — живой, он меняется не только из-за декораций, костюмов или закодированных жестов. Движения — это читаемые предложения. Вместо подлежащего и сказуемого — летящее и скользящее.

Балетмейстер Леонид Якобсон. Ленинград. 1974

Съемки фильма "Сердце Полишинеля". Ленинград. 1974

Режиссер Игорь Наумов. Ленинград, 1974

Актриса Ольга Вардолова. Ленинград, 1974

[illegible]

Рассказ Юлии Беломыслинской

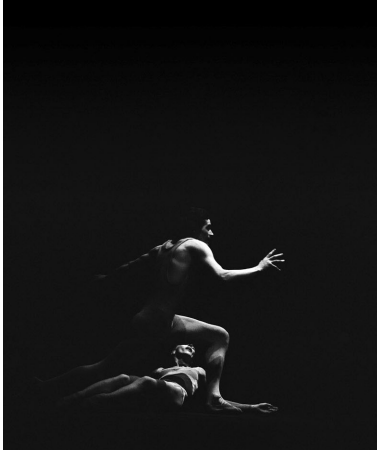
[illegible]

"Когда ученик готов, находится учитель". Учитель учится всегда и у всех.
У детей, собак, деревьев — у всех непосредственных и искренних.

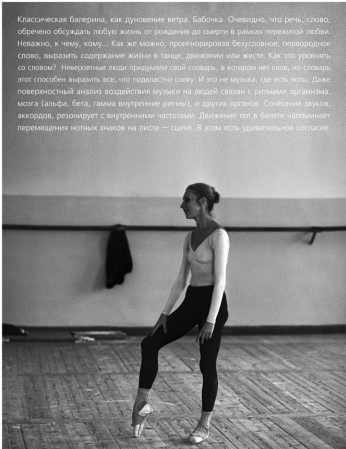

Балерина Габриэла Компекс, Ленинград, 1985

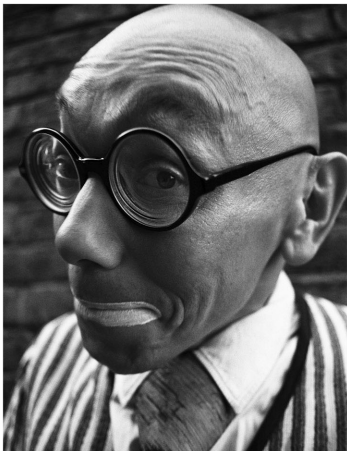

Морис Бержар и Олег Винюградов, Ленинград, 1987

Классическая балерина, как дуновение ветра. Бабочка. Очевидно, что речь, слово, обречено обсуждать любую жизнь от рождения до смерти в рамках пережитой любви. Независимо, к чему, кому... Как же можно, проигнорировав безусловное, первородное слово, выразить содержание жизни в танце, движении или жесте. Как это уравнивать со словом? Невероятные люди придумали свой словарь, в котором нет слов, но словарь этот способен выразить все, что подвластно слову. И это не музыка, где есть ноты. Даже поверхностный анализ воздействия музыки на людей связан с ритмами организма, мозга (альфа, бета, гамма внутренние ритмы), и других органов. Сочетание звуков, аккордов, резонирует с внутренними частотами. Движение тел в балете напоминает перемещения нотных знаков на листе — сцене. В этом есть удивительное согласие.

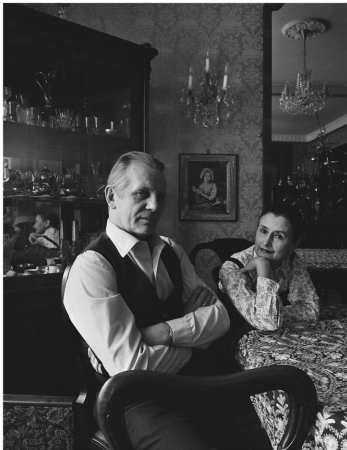

Балерина Алла Осипенко. Ленинград. 1985

Анзор Либатов. "Лизавда". Бельгия. 1996

Асия Макарова и Нелли Петрова. Ленинград. 1983

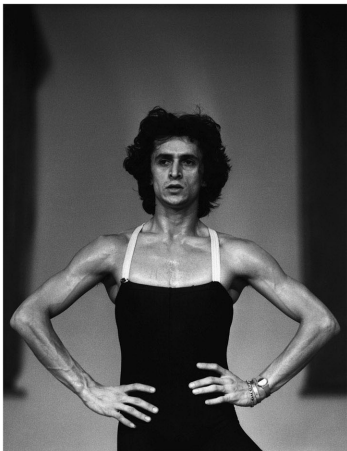

Фарук Рузимов. Ленинград. 1990

"Цирк" — хореографические миниатюры Леонида Якобсона, Ленинград, 1984

Самое хрупкое и тонкое оказывается самым прочным и надежным. Трава пробивается сквозь асфальт. Текст на листе живет веками. Бумажный мостик между поколениями.

Художник Маша Берман. Израиль. 2000

Валерина Низзя Михайлова. Ленинград. 1989

Наши руки простерты в обе стороны — в прошлое и будущее. В нашем “сейчас” мы охватываем всю жизнь целиком. Мы обнимаем всех, кто был до нас и всех, кто будет после. В нашем настоящем сходятся все времена.

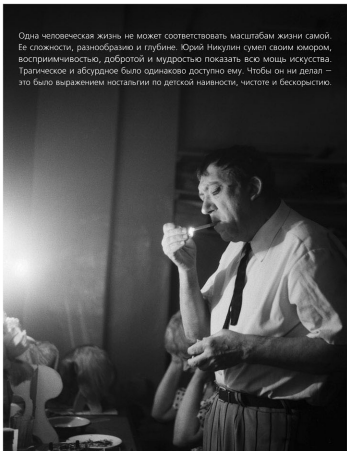

"Куда бы мы не шли, мы всегда идем домой." Дом – это там, где нас ждут и любят. Жизнь – это путь домой.

Туман. Германия. 2002

Одна человеческая жизнь не может соответствовать масштабам жизни самой. Ее сложности, разнообразию и глубине. Юрий Никулин сумел своим юмором, восприимчивостью, добротой и мудростью показать всю мощь искусства. Трагическое и абсурдное было одинаково доступно ему. Чтобы он ни делал – это было выражением ностальгии по детской наивности, чистоте и бескорыстию.

Юрий Никулин. Ленинград. 1978

Непослушные предметы и непослушный язык вынуждают появление клоунов.
Кто-то должен молча все объяснить.

Юрий Никулин. Ленинград. 1978

Даже цирк может стать местом паломничества, если там очищает души такой клоун, как Никулин. В каждой его роли, жесте присутствует его личное бесстрашие и бескорыстие. Его чистота и наивность обескураживает. Это детское, сохраненное.

Юрий Никулин. Ленинград, 1978

Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. Ленинград, 1978

"Гран па" в белую ночь. Ленинград. 1987

Что делает нас счастливыми? Успех? Слава? Количество любящих нас людей? Радостно — любить

самому. Радостно разделять радость. Культура едина, она — как женщина, ей нужна любовь.

Ей требуется все наше время и все наши чувства. Ей необходимо внимание. Культуре нужны

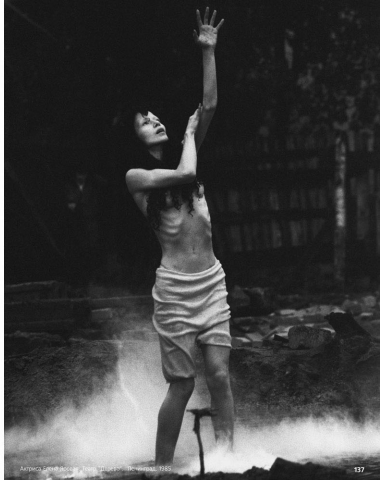
серьезные отношения. Она всегда думает о будущем, о том, что дать детям. У нее всегда что-то

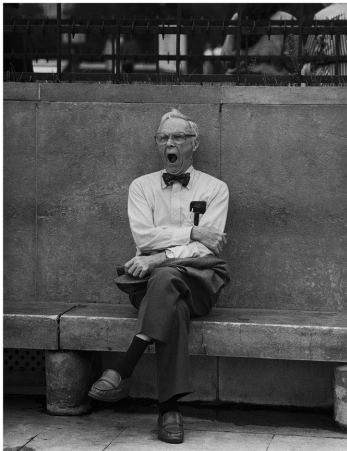
припасено на черный день. Когда артист выходит на сцену перед публикой, он, как правило,

задается только одним вопросом: "Зачем я здесь?" Задача — построить легкий, ажурный мост

между сценой и залом, с тем, чтобы по нему пробегали в обе стороны мысли и чувства.

Это — мечта артиста. Максимальная жизнь — там, где максимальный риск. Артист всегда рискует.

Обреченный властью на сиротство, скиталец, выковавший стальной гвоздь характера среди воров, бандюг и сволочей, рисовал для них игральные карты. Никто до поры не знал, какой масти джокер спрятан у него на сердце. Вопреки всему и всем, взрастил свой талант, воплотил его в лучшую в мире сценографию. Сумел передать художникам, что знал и умел, и не только поража́л тысячи зрителей, а сумел еще рассказать, как гений совместим с чужим злодейством

Сценограф Эдуард Кочергин. Ленинград. 1984

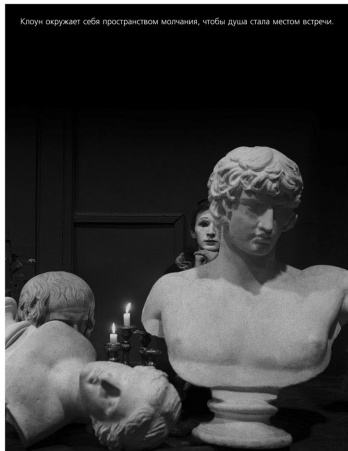
Ленинград. 1976

"Полчище". Владимир Зенков. 1974

Зимний "Лепный Сад". Ленинград. 1977

Резо реализовал миссию Мессии. Габриэде стал богом для крошечных людей своего кукольного театра. Тогда стало понятно,

что изменение мирового масштаба не влияет на размеры переживаний. Смерть не стала беспомощной, и любовь

не потеряла силу. К чему бы Резо не прикоснулся, к бумаге, глине, кинокамере, все превращается в "Не горюй". И всегда весь

мир без остатка умещается в его сценарии, как и на малюсенькой кукольной сцене. Не горюй, пока такое, как Резо есть на свете.

Он – всегда в форме. Он постоянно готов к бою и походу. Независимая боевая единица искусства, воюющая самостоятельно.

Фильм "Как стать звездой" сделал свое дело. Проверил Лицедеев

вне сцены. Оказалось, они могут заразить зрителей своим юмором

через экран, не ходя по головам в зале, а входя в них кадрами.

Главное завоевание полунинских Лицедеев — понимание того, что

абсурд — это кожа переживания. Самое чувствительное, тонкое

и нежное, что есть на свете. Они касаются кожей кожи зрителей.

Вызывают мурашки. Это настоящее открытие смысла жизни.

Юрий Никитин и Михаил Шуйдин. Ленинград. 1978

Ленинград. 1977

Монастырский. Вологда. 1972

Когда клоун медленно заносит ногу, он имитирует жизненную неуверенность каждого. Черт знает, что там, куда надо шагнуть. Есть ли там твердая почва? А, если вляпаться? Или провалишься? А, туда ли идешь? Тот, кто движется, опирается только на одну ногу. Вторую он переносит в неизвестность.

Жест. Маска. Игра. Все это — умышленное. Поэтому, возникло именно здесь.

Нынешняя клоунада рождена в Питере, умышленном городе европейского свойства.

Не центрального, но с периферической бешеной ностальгией стать первым, центральным.

Смыслы — это листочки на дереве жизни, которые осыпаются от ветра судьбы.

Можно сидеть под деревом с подветренной стороны и просто собирать листья.

Он говорил, что жизнь обаятельна игрой.

Тревожная неподвижность лиц у тех, кто однажды начал его танец. Они не могут остановиться. Он был то натянутой веревкой, чтобы танцоры могли двигаться наощупь, то шаманом с ловушкой для душ. Он лепил на огромном гончарном круге сцены персонажи из глины тел. Вылепив, он обжигал их своим inferнальным огнем, и заставлял двигаться. Небо и земля в его спектаклях сообщались, и можно было перемещаться в обе стороны.

Балетмейстер Модис Бежар. Ленинград. 1987

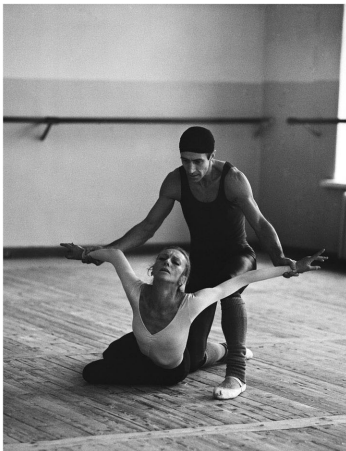
Ленинград. 1977

Роберт Городецкий. Это звучит гордо на любом языке. Имя это просто создано для афиши. И афиша с этим именем украшала все лицевые выступления, как и "Голубые Канарейки", придуманные Робертом.

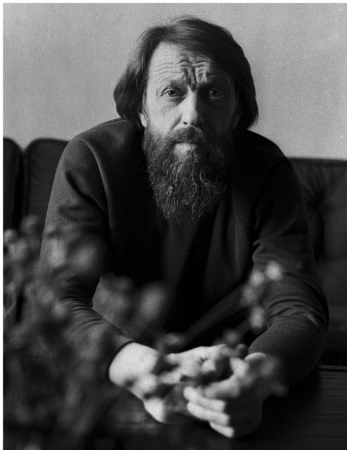

Очевидно, что речь, слово, обречено обсуждать любую жизнь от рождения до смерти в рамках пережитой любви. Независимо, к чему, кому... Как же можно, проигнорировав безусловное, первоначальное слово, выразить содержание жизни в танце, движении или жесте. Как это уравнивать со словом?

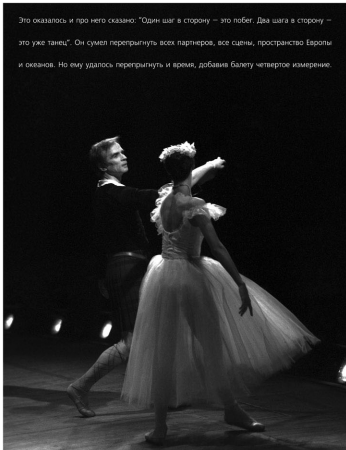

Писатель Рарий Погудин. Ленинград, 1976

Это оказалось и про него сказано: "Один шаг в сторону — это побег. Два шага в сторону — это уже танец". Он сумел перепрыгнуть всех партнеров, все сцены, пространство Европы и океанов. Но ему удалось перепрыгнуть и время, добавив балету четвертое измерение.

Рудольф Нуреев и Жанна Аронова. Кировский театр. Ленинград. 1989

Балерина Галина Мезенцова. Ленинград. 1977

Дима с собакой. "Караван Мура". Берлин. 1989

Он настолько интеллигентный, деликатный, куртуазный, искушенный, изысканный и нервный, что никак не мог собрать необходимую актеру/автору пару тысяч зрителей в кормление. Он никогда не приспособливался или торговал своим талантом, что избавило его от налогов. Катастрофа отъездов, умирания в знак протеста отъездов, вынужденная деградация населения, в силу выживания вида, оставили его одного не только на сцене, но и в зале.

Поэт, сценарист и актер Вадим Жук. Ленинград. 1974

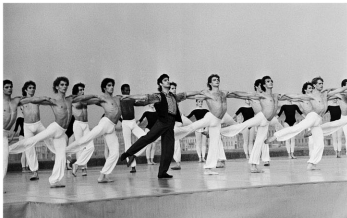
Семья. Германия. 2000

Радостный, безответственный, чудесный мир артиста-клоуна. Вместо проблематизации жизни, всем уготованной, рефлексии, попытки определения вопросов к тем ответам, которые нам навязаны — полное приятие, наслаждение тем, что есть, что случилось. Никаких попыток что-то понять или изменить. Гармония со случайностью. Это — гармония абсурда. Приятие ЛЮБОЙ ситуации. Это — не кайф на пляже, не сон, не наркотический транс. Просто — радость бытия, даже если тебя несут в чемодане.

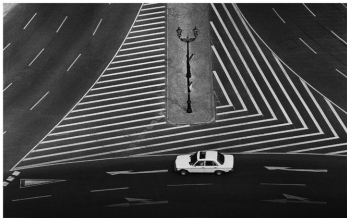

"Гимиден". Ленинград. 1985

"Тран па" в белую ночь. Ленинград. 1987

Западный Берлин. Германия. 1989

"Караван Мира". Берлин. 1989

Михаил Баришников и Владимир Войнов, Ленинград, 1987

Балет "Павана Мазпа", Ленинград, 1984

Утро, день, вечер, ночь — этот привычный порядок существует только потому, что мир держится на людях, которые утром встают и работают весь день, а ночью немного отдыхают, чтобы снова трудиться завтра. Если бы не они, на земле была бы вечная ночь, и никто никого никогда бы не встретил. В любое время суток можно застать Петрушанского за работой. Он и спит только для того, чтобы накопились новые идеи, которые потом мешают ему спать.

Первая фотография Ильи Колтуна, Ленинград, 1967